

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-091 (82-97) (82-92)

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-108-120>

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС О ГОГОЛЕ В «БОГОСЛОВСКОМ ВЕСТНИКЕ» НАЧАЛА XX ВЕКА

Светлана Владимировна Бурмистрова

Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия, t-svet2007@yandex.ru

Аннотация

Введение. Православная периодическая печать эпохи рубежа XIX–XX вв., являясь неотъемлемой частью отечественной журналистики, содержит большой корпус публикаций, посвященных отечественным и зарубежным писателям, в том числе Н. В. Гоголю. Обращение к критическому дискурсу о Гоголе, представленному на страницах дореволюционных церковных журналов, позволит уточнить вопрос о восприятии личности и творчества писателя в научно-богословских кругах, а также будет способствовать построению целостной картины рецепции Гоголя в критике порубежной эпохи.

Цель – изучить критическую рецепцию личности и творчества Н. В. Гоголя в церковной академической периодике начала XX в.

Материал и методы. Материалом исследования послужили опубликованные в «Богословском вестнике» конца XIX – начала XX в. статьи о Гоголе, а также разножанровые публикации академического журнала, содержащие размышления или только фоновые упоминания о Гоголе и его произведениях. Журнальные материалы анализируются в историко-литературном аспекте, а также рассматриваются с позиции рецептивной эстетики и социологии литературы.

Результаты и обсуждение. По результатам исследования сделан вывод о специфике критической рецепции Гоголя в журнале Московской духовной академии, хронология которой охватывает около 17 лет. Наиболее активная фаза восприятия личности и творчества Гоголя в «Богословском вестнике» приходится на период его юбилеев 1902 и 1909 гг., когда были опубликованы подготовленные преподавателями и профессорами академии литературно-критические исследования о писателе, а также материалы литературного вечера, приуроченного к столетию со дня его рождения. За рамками гоголевских юбилеев критический дискурс о писателе включает статьи по научно-богословской проблематике, содержащие размышления о религиозном мировоззрении писателя и его художественном творчестве, а также материалы (письма, воспоминания и др.), в которых встречаются лишь фоновые упоминания о писателе. Механизмы критической рецепции Гоголя в «Богословском вестнике» определяются стремлением осмыслить «загадочную личность» писателя, его «сложный внутренний мир», а также оценить его вклад в становление русской религиозной культуры.

Заключение. Критический дискурс о Гоголе, представленный на страницах «Богословского вестника», отражает противоречия в восприятии его личности и творчества, характерные в целом для литературной критики рубежа веков, когда писателя либо продолжали обвинять, называя «апостолом невежества» и реакционером, либо защищали, видя в нем художника-аскета и серьезного мыслителя.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, критическая рецепция, «Богословский вестник», церковная периодика, писательский юбилей, литературная репутация, духовная проза, концепция «двух Гоголей»

Для цитирования: Бурмистрова С. В. Критический дискурс о Гоголе в «Богословском вестнике» начала XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 6 (224). С. 108–120. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-108-120>

LITERARY STUDIES

CRITICAL DISCOURSE ABOUT GOGOL IN THE “BOGOSLOVSKIY VESTNIK” OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Svetlana V. Burmistrova

Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russian Federation, t-svet2007@yandex.ru

Abstract

Introduction. The Orthodox periodicals of the era of the turn of the 19th – 20th centuries, being an integral part of domestic journalism, contain a large corpus of publications dedicated to domestic and foreign writers, incl.

© С. В. Бурмистрова, 2022

N. V. Gogol. Turning to the critical discourse about Gogol, presented on the pages of pre-revolutionary church journals, will clarify the issue of the perception of the personality and work of the writer in scientific and theological circles, and will also help build a holistic picture of Gogol's reception in criticism of the frontier era.

The *purpose* of the article is to study the critical reception of the personality and creativity of N. V. Gogol in church academic periodicals of the early 20th century.

Material and methods. The material of the study was the articles of the "Bogoslovskiy vestnik" of the late 19th – early 20th century, dedicated to Gogol, as well as publications of various genres containing reflections or background references to Gogol and his works. Journal materials are analyzed in the historical and literary aspect, and are also considered from the standpoint of receptive aesthetics and the sociology of literature.

Results and discussion. Based on the results of the study, a conclusion was made about the specifics of Gogol's critical reception in the journal of the Moscow Theological Academy, the chronology of which covers about 17 years. The most active phase of the perception of Gogol's personality and work in the "Bogoslovskiy vestnik" falls on the period of his anniversaries in 1902 and 1909, when literary critical studies of teachers and professors of the Academy dedicated to him were published, as well as materials from a literary evening dedicated to the centenary of the birth of the writer. Outside of Gogol's anniversaries, critical discourse about the writer includes articles on scientific and theological issues, but containing reflections on the writer's religious outlook and his artistic work, as well as materials (letters, memoirs etc.) in which there are only brief mentions of the writer. The mechanisms of Gogol's critical reception in "Bogoslovskiy vestnik" are determined by the desire to comprehend the "mysterious personality" of the writer, his "complex inner world", as well as to evaluate his contribution to the formation of Russian religious culture.

Conclusion. The image of Gogol, presented on the pages of the "Bogoslovskiy vestnik", reflects the contradictions in the perception of his personality and work, which are generally characteristic of literary criticism at the turn of the century, when the writer either continued to be accused, calling him an "apostle of ignorance" and a reactionary, or defended, seeing in him an ascetic artist and a serious thinker.

Keywords: *N. V. Gogol, critical reception, "Bogoslovskiy vestnik", church periodicals, writer's anniversary, literary reputation, spiritual prose, the concept of "two Gogols"*

For citation: Burmistrova S. V. Kriticheskiy diskurs o Gogole v "Bogoslovskom vestnike" nachala XX veka [Critical discourse about Gogol in the "Bogoslovskiy vestnik" of the beginning of the XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 6 (224), pp. 108–120 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-6-108-120>

Введение

Православная периодическая печать эпохи рубежа XIX–XX вв. – важная часть отечественной журналистики, в той или иной степени определявшая векторы развития культурной и научной жизни. Обращение к критическому дискурсу о Гоголе, представленному на страницах «Богословского вестника»¹ начала XX в., позволит уточнить вопрос о восприятии личности и творчества писателя в научно-богословских кругах, а также будет способствовать построению целостной картины реценции Гоголя в критике порубежной эпохи.

Рассмотрение механизмов критической интерпретации Гоголя в «Богословском вестнике» необходимо предварить общим замечанием о месте «литературных» материалов в структуре церковных академических журналов. По подсчетам исследователей, на рубеже веков «четыре Академии издавали 19 периодических изданий» [1, с. 3], в чи-

сле которых не только «Богословский вестник», но и старейший российский печатный орган, основанный в стенах Санкт-Петербургской академии, «Христианское чтение» (1821–1917), журнал Казанской академии – «Православный собеседник» (1855–1918) и «Труды Киевской духовной академии» (1861–1918). Даже беглый просмотр этих и других церковных журналов позволяет заключить, что публикации, посвященные отечественным и зарубежным писателям, занимают в них значительное место.

Внимание дореволюционной академической печати к «изящной словесности» объясняется по меньшей мере двумя факторами. Во-первых, филологические дисциплины, в том числе теория и история словесности, являлись неотъемлемой частью учебного процесса высшей духовной школы, что налагало необходимость их осмысления в христианском аспекте. Эту образовательную и одновременно научную задачу выполняли филологические кафедры, об активной исследовательской деятельности которых свидетельствует среди прочего и содержание академических журналов. Так, значительная часть литературно-критических публикаций «Богословского вестника» была подготовлена преподавателями профильных кафедр Московской

¹ «Богословский вестник» – один из ведущих церковных печатных органов дореволюционной России, основанный в 1892 г. в стенах Московской духовной академии. Журнал появился в результате слияния двух предшествующих академических изданий – «Творений святых отцов в русском переводе» и «Прибавлений», которые выходили с 1843 г. Дореволюционный период существования «Богословского вестника» закончился в сентябре 1918 г., а новый этап начался в 1993 г.

духовной академии: кафедры теории словесности и истории иностранных литератур, кафедры истории русской литературы и др. Несомненно, материалы «Богословского вестника» внесли свою лепту в становление религиозно-философского подхода к изучению художественной словесности.

Во-вторых, обращение богословского журнала к художественным произведениям обусловлено особым статусом литературы в отечественной культуре. Русская литература, генетически сопричастная православию и ставшая своего рода продолжением таинства Слова Божия, была призвана оказывать влияние на мировоззрение и нравственность читателя, служить проводником новых идей. Иными словами, функции отечественной словесности никогда не ограничивались только эстетическим влиянием, т. е. воспитанием художественного вкуса читателя. В связи с этим примечательны рассуждения о нравственной функции русской литературы прот. Павла Светлова, который в своей работе «Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания» подчеркивал, что «литература служит легким и могущественным проводником в обществе научно-философских и религиозных идей... настроений и чувств... она служит в одно и то же время и выразительницей, и руководительницей... общества и общественного мнения. <...> Главный... интерес русских писателей сосредоточивается на внутреннем смысле явлений жизни, от этих преходящих явлений жизни они поднимаются к их внутреннему значению. Искание Бога, правды, разгадка тайн бытия проходит красной нитью через творчество писателей, как говорят, даже „неверующих“ (Тургенев, Надсон и др.). Все это сообщает произведениям русского слова печать глубокой нравственной серьезности, философской вдумчивости, даже религиозности» [2, с. 277–279].

Профессор кафедры нравственного богословия Московской академии Михаил Михайлович Тареев в своей лекции, прочитанной студентам в 1902 г., подчеркивал необходимость обращения богословской науки к художественной литературе: «Русский богослов с особым вниманием должен воспользоваться изящной литературой, потому что русская беллетристика <...> имеет высокую гносеологическую ценность по религиозно-нравственным вопросам. Союз богословия с русской литературой должен принести ценные плоды» [3, с. 42–43].

О благотворном влиянии русской литературы на современного человека, в том числе на священнослужителя, рассуждает также доцент кафедры церковного права Московской академии Николай Дмитриевич Кузнецов в своей рецензии, написанной по поводу вышедшей в 1909 г. книги Я. Н. Кти-

тарева «Вопросы религии и морали в русской художественной литературе». В частности, он отмечает, что русская словесность тесно связана «с областью морали и религии». Изображая все оттенки духовного состояния современного человека, литература, по словам Кузнецова, становится важным «пособием... в деле проповеди и преподавания Закона Божия» [4, с. 334]. Поэтому с ней «необходимо считаться... людям, желающим руководить религиозной мыслью общества» [4, с. 335].

Материал и методы

Материалом исследования послужили опубликованные в «Богословском вестнике» конца XIX – начала XX в. статьи о Гоголе, а также разножанровые публикации академического журнала, содержащие размышления или фоновые упоминания о Гоголе и его произведениях. Журнальные материалы анализируются в историко-литературном аспекте, а также рассматриваются с позиции рецептивной эстетики и социологии литературы.

Результаты и обсуждение

История критической рецепции Гоголя в «Богословском вестнике» дореволюционного периода охватывает около 17 лет и включает прежде всего публикации, связанные с гоголевскими юбилеями 1902 и 1909 гг. Посвященные писателю материалы впервые появляются на страницах журнала в 1902 г. по случаю пятидесятилетия со дня его смерти. До этой даты академический журнал почти не вспоминает о нем, за исключением нескольких статей 1899 г., сообщающих о столетнем юбилее А. С. Пушкина. Дело в том, что после пушкинских торжеств 1880 г. (приуроченных к открытию памятника Пушкину в Москве) в общественном сознании имена этих двух писателей начинают восприниматься в единой связке, поскольку именно Гоголь одним из первых в своей статье 1835 г.¹ обозначил столь нужную эпохе рубежа веков формулу о Пушкине как русском национальном поэте. Как мы помним, эта формула была актуализирована в знаменитой «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевского, которая начиналась гоголевскими словами: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа». В юбилейном 1899 г. рассуждения о Пушкине как национальном поэте все еще носили дискуссионный характер² и требовали отсылки к авторитетному мнению. Чаще всего ссылались на Гоголя и его работу «Несколько слов о Пушкине».

Так, преподаватель Московской академии Иерофей Алексеевич Татарский в статье «Александр

¹ Имеется в виду статья Гоголя «Несколько слов о Пушкине», впервые опубликованная в сборнике «Арабески».

² Более подробно см. об этом: [5].

Сергеевич Пушкин как русский национальный поэт» ставит перед читателем вопрос о том, справедливо ли называть Пушкина, воспитанного на европейской литературе, русским национальным поэтом. Свой однозначно положительный ответ Татарский подкрепляет мнением Гоголя: «Истинная национальность, — говорит Гоголь, — состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа; поэт может быть даже и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами» [6, с. 248].

В статье профессора кафедры русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы Московской академии Григория Александровича Воскресенского «Величие Пушкина как человека и поэта» также содержится отсылка к Гоголю: «Никто из поэтов наших, — говорит Гоголь, — не выше Пушкина и не может более называться национальным: это право решительно принадлежит ему» [7, с. 215].

Итак, в конце 1890-х гг. имя Гоголя на страницах «Богословского вестника» упоминается лишь опосредованно, в связи с Пушкиным. Следует заметить, что отсутствие интереса собственно к Гоголю характерно не только для журнала Московской академии. Как отмечает Д. Р. Невская, в это время о Гоголе вообще вспоминали редко. Одну из причин такого забвения исследовательница видит в том, что писатель «не оправдал надежд... либеральной интеллигенции», разочаровав ее прежде всего своими «Выбранными местами...», а также сожжением второго тома «Мертвых душ» [8, с. 110]. Действительно, процесс восприятия Гоголя в русской литературе последней четверти XIX в. свидетельствует о переходе на пассивную стадию рецепции. Это означает, что о писателе перестают спорить критики, его произведения уже не играют значимой роли в осмыслении злободневных проблем современности. Иными словами, в 1890-х гг. позиция Гоголя в литературном каноне ближе к статусу классика: его произведения находятся за пределами актуальной литературной жизни, но в то же время они включаются в многотомные истории русской литературы [9] и учебные хрестоматии, получают научное истолкование [10, 11]. Ситуация существенно изменилась в начале XX в., когда юбилейные торжества в честь Гоголя не только вернули его имя в литературно-критическое поле, но и стимулировали новый этап в построении его писательской репутации.

Журнал Московской духовной академии также включился в процесс критического истолкования личности и творчества Гоголя. В 1902 г. в «Бого-

словском вестнике» были напечатаны две публикации, одна из которых сосредоточена исключительно на Гоголе, а вторая — на Гоголе и Жуковском, пятидесятилетие со дня смерти которого также отмечалось в 1902 г. Жуковско-Гоголевскому юбилею посвящена довольно объемная и разноплановая статья профессора Г. А. Воскресенского, размещенная в третьем номере «Богословского вестника». Статья интересна тем, что в ней подробно описываются механизмы создания «литературной репутации» писателя. И хотя автор не употребляет это понятие (одним из первых его станет использовать Иван Никанорович Розанов в книге «Литературные репутации» (1928)), но пишет он именно о том, как празднование юбилеев писателей влияет на их восприятие в читательской, критической и научной среде, т. е. на их литературную репутацию. Начинается статья с замечания, поясняющего смысл пятидесятилетнего юбилея в отношении писателя. Согласно «нашим законам», отмечает автор, пятидесятилетний юбилей писателей «имеет тот особый смысл, что сочинения их... перестают быть собственностью наследников или тех, кому переданы права на них» и «становятся достоянием всеобщим» [12, с. 596]. Становясь «общедоступными в удешевленных изданиях», они «окажут могущественное действие на... многочисленных читателей», т. е. писатель «приблизится теперь к народу, войдет в народ» [12, с. 597]. Далее Воскресенский приводит статистику по изданным сочинениям Гоголя к его юбилею, давая информацию об объеме книги, ее цене, месте издания. «К нынешнему юбилею... вышли многие удешевленные издания, из коих особенного внимания заслуживают роскошное трехтомное полное собрание сочинений Гоголя с его биографией, примечаниями, обильными иллюстрациями, редактированное проф. А. И. Кирпичниковым (свыше полутора тысяч страниц, ц. 3 р. 50 к.) и однотомное собрание сочинений под той же редакцией (ц. 80 к.)» [12, с. 597]. Кроме этих изданий автор называет «дешевые брошюры для народа», подготовленные товариществом И. Д. Сытина, а также однотомные собрания сочинений, выпущенные в издательстве А. Панафикина и в петербургской фирме «Народная польза».

Еще один фактор, который сопровождает юбилейные торжества и способствует переосмыслению литературной репутации писателя, Воскресенский связывает с появлением новых научных материалов и исследований о нем. Так, он сетует, что до сих пор мы «не имеем полного критического издания сочинений Жуковского», недостаточно изучены его письма и дневники [12, с. 602]. Но еще более «необходимы, — по мнению автора, — новые... исследования о Гоголе» [12, с. 602]. Может

быть, поэтому статья самого Воскресенского, номинально посвященная двум авторам, сосредоточена преимущественно на Гоголе, Жуковскому в ней уделено всего около пяти страниц текста из двадцати четырех.

Следует отметить, что профессор академии хорошо осведомлен в области научных исследований о Гоголе. Так, он приводит перечень наиболее значимых работ о писателе, среди которых называет «Записки о жизни Н. В. Гоголя» П. А. Кулиша; «образцовое критическое» собрание сочинений Н. В. Гоголя под редакцией Н. С. Тихонравова; «Материалы для биографии Гоголя» и собрание писем Н. В. Гоголя, подготовленные В. И. Шенроком, а также новые историко-литературные исследования А. Н. Пыпина и А. Н. Веселовского. Вместе с тем Воскресенский вынужден заметить, что, несмотря на то что «в последние годы Гоголю у нас посчастливилось» в плане изучения его жизни и творчества, тем не менее «до сих пор представляется недостаточно выясненной внутренняя жизнь» писателя» [12, с. 603].

Итак, Воскресенского как преподавателя духовной академии интересует в первую очередь вопрос о «внутренней жизни» Гоголя, о его религиозности. Этот вопрос, замечает Воскресенский, решается в настоящее время неоднозначно, имея в виду сторонников и противников концепции «крутого перелома» в нравственном развитии писателя. Воскресенскому близка позиция Шенрока и Пыпина, которые отрицали резкий перелом в духовном мирозерцании Гоголя, но говорили о постепенном развитии «давних особенностей его характера, его... религиозного... мировоззрения» [9, с. 487]. Воскресенский приводит большие выдержки из писем Гоголя разных лет, подтверждающие, что корни его мистического мировосприятия 1840-х гг. связаны с унаследованной от родителей «напряженной религиозностью», которая заметна уже в его детско-юношеских письмах и выражается, например, в вере в свое великое предназначение.

Пытаясь разобраться в особенностях характера и мировоззрения Гоголя, автор статьи старается избегать прямых оценок, постоянно подчеркивая, что «личный характер Гоголя представляется слишком сложным», а материалов и исследований о писателе по-прежнему недостаточно. Поэтому одинаково опрометчивыми видятся ему две крайности в восприятии писателя, когда одни «смотрят на него как на человека во всех отношениях идеального», а другие – «напротив... предполагают в Гоголе множество антипатичных черт» [11, с. 611], когда одни видят в нем «серьезного русского мыслителя», а другие утверждают, что «знания его были случайны и отрывочны», что «он ... оставался... всю жизнь на слабой степени теоретического умствен-

ного развития, что он едва ли сам разумел всю глубину тех общественных явлений, которые он отражал в своих созданиях» [12, с. 611].

Вторая часть статьи Воскресенского, посвященная описанию литературного творчества Гоголя, имеет реферативный характер и являет собой краткий пересказ главы о Гоголе из «Истории русской литературы» Пыпина. Воскресенский воспроизводит обозначенные в работе Пыпина характеристики Гоголя-литератора, которые к этому времени уже прочно закрепились в критическом и читательском восприятии. Здесь мы найдем и идущую от В. Г. Белинского формулу о Гоголе как «первом писателе реалисте», и восходящее к работе Н. Г. Чернышевского представление о нем как основателе и главе «нового периода русской литературы», открывшего путь И. С. Тургеневу, А. Н. Островскому, Н. А. Некрасову, Ф. М. Достоевскому, а также очень важное для автора статьи суждение о Гоголе как о художнике-аскете, творчество которого есть «звучащая молитва к Богу».

Таким образом, статья Воскресенского транслирует сложившийся в культуре рубежа веков образ Гоголя как главы реалистического направления в русской литературе, как создателя языка современной литературы. В то же время в статье отсутствует определенность в оценке личности Гоголя и его религиозного мировоззрения, что также симптоматично. Первый гоголевский юбилей не только не снял противоречия в восприятии духовного облика писателя, но, напротив, заострил разногласия, актуализировал старые и породил новые мифы о его религиозности, о его отношении к творчеству, к жизни и смерти¹.

Жуковско-Гоголевскому юбилею посвящены в «Богословском вестнике» еще две статьи [15, 16]. Автором обеих является Пётр Михайлович Минин, преподаватель московской духовной семинарии по кафедре философских наук и дидактики. Судя по публикациям Минина в академическом журнале, он специализировался в области древнецерковной мистики². Его статья о Гоголе «К характеристике личности Гоголя», напечатанная в том же номере, что и статья Воскресенского, примечательна тем, что в ней почти отсутствует хвалебно-юбилейное начало, напротив, она носит резко критический характер. Так, в начале статьи, рассуждая о сложном и противоречивом внутреннем мире Гоголя, Минин не соглашается с теми, кто пытается объяснить загадку личности писателя через психологию великого человека³. «Что такое „великий человек“, – вопрошает он, – и какое отношение имеет он к Го-

¹ См. об этом: [13, 14].

² В «Богословском вестнике» опубликовано несколько статей П. М. Минина по древнецерковной мистике: [17, 18].

³ См. об этом: [19, 20].

голю?». Правда, тут же Минин несколько смягчает провокационный тон своего вопроса, добавляя, что «разгадку Гоголя нужно искать не в психологии великого человека вообще, а в психологии именно гоголевского величия, соединенного с крайним самоуничижением» [21, с. 622].

Свою исследовательскую позицию Минин определяет как позицию «биографа-психолога», поэтому цель своего очерка он видит в том, чтобы наметить главные моменты «сложного психологического процесса», приведшего «веселого юмориста пасечника Рудого Панько к резкому, болезненному аскетизму, грозного сатирика-писателя к самоотрицанию и к отрицанию всего того, чем он жил и что им было написано ранее» [21, с. 623–624]. Не различая автора биографического и автора художественного, идентифицируя в данном случае Гоголя с рассказчиком Рудым Панько, Минин проецирует это методологическое искажение на объяснение «сложного психологического процесса», главную особенность которого видит в «двойственности» Гоголя. Именно разделение его «я» на «Гоголя-человека и Гоголя-писателя», «Гоголя-мыслителя и Гоголя-поэта» составляет, по мнению Минина, «характерную особенность его личности», а «окончательное торжество Гоголя-моралиста над Гоголем-художником» является основной причиной его «трагической судьбы» [21, с. 623]. Конкретизируя двойственность Гоголя, Минин отмечает, что в его личности уживались такие противоположности, как «жажда нравственной пользы» для человечества и «крайнее самомнение», результатом которого стало «стремление к учительству и резонерству»; «непосредственная вера... горячая любовь к родине... и почтительное признание существующего строя общественной жизни»; выдающийся дар наблюдательности [21, с. 626], сформировавшийся из него «великого художника-реалиста» [21, с. 628], и скудное гимназическое образование, из-за которого он «принужден был на всю жизнь остаться с жалкими обрывками нехитрой Нежинской школы», сделавшими из него посредственного мыслителя и плохого моралиста [21, с. 629–630].

Нетрудно заметить, что, моделируя образ Гоголя как противоречивой личности, Минин опирается на расхожие стереотипы о писателе, многие из которых сформировались под влиянием критики В. Г. Белинского. Так, идущая от Белинского формула «Гоголь-моралист против Гоголя-художника» является для Минина определяющей в восприятии личности писателя и в понимании его судьбы. Опираясь на формулу «Гоголь-моралист против Гоголя-художника», Минин развивает обозначенную Белинским концепцию «великого перелома» в мировоззрении писателя. Начало «крутого перело-

ма» Минин, как и большинство сторонников этой концепции, относит к 1836 г., когда после премьеры «Ревизора», уже находясь за границей, Гоголь решил «глубоко обдумать свои обязанности авторские». Именно тогда, считает Минин, впервые встретились два Гоголя, встретились, но «не узнали друг друга»: «Гоголь-моралист задумался над Гоголем-художником и не вполне понял и оценил его, а не оценивши, взглянул на него несколько искоса» [21, с. 635].

В своей статье Минин неоднократно противопоставляет Гоголя как носителя патриархального и, с его точки зрения, примитивного мирозерцания [16, с. 632] Белинскому – выразителю прогрессивных взглядов. Примечательно, что прогрессивность Белинского оценивается преподавателем духовной школы положительно, даже несмотря на неприязненное отношение критика к православной церкви, тогда как укорененное в христианской культуре мировоззрение Гоголя он называет примитивным. В частности, Минин критикует гоголевское представление о том, что источник зла «коренится не в общественном неустройстве, а в испорченной душе человека, коснеющего в своем нечестии», что зло происходит «оттого, что люди слишком нравственно развращены и не хотят отстать от своих недостатков» [21, с. 634].

Авторитет Белинского для Минина неоспорим, неслучайно он сравнивает его с «пророком», предсказавшим трагическую гибель Гоголя-художника. В частности, он отмечает, что именно его «зоркое око... усмотрело... раздвоение гоголевского таланта», именно его «тонкое ухо подслушало фальшивую нотку, проскользнувшую» уже в «Мертвых душах» [21, с. 636]. Финальной точкой в истории преждевременной гибели Гоголя-писателя Минин считает выход в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями», которым он дает довольно поверхностные характеристики, называя их «странной книгой», «тощей книжкой прописной морали», в которой Гоголь «преподнес какую-то туманную проповедь всем известных, иногда довольно сомнительных истин, только изложенных каким-то необычайным, докторальным, высокомерным тоном» [21, с. 637].

Публикация Минина, продолжающая линию Белинского в восприятии Гоголя, интересна не столько содержащимися в ней шаблонными суждениями о писателе, сколько парадоксальной позицией ее автора. Минин как представитель духовной школы, казалось бы, должен был подчеркнуть близость Гоголя к традиционным христианским ценностям, связав с ними его творчество 1840-х гг., в том числе последнюю опубликованную при жизни писателя книгу. Однако он предпочел посмотреть на Гоголя сквозь призму либеральной критики

Белинского, отрицающей все религиозное в русской культуре, а значит, и самого автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» и «Размышлений о Божественной литургии». В этом смысле логично завершение статьи Минина: автор убежден в том, что достоянием русской литературы должны стать только те произведения Гоголя, которые совершили в ней «радикальный переворот», положили «начало новому течению – реалистическому» [21, с. 637], тогда как позднее творчество писателя, т. е. его духовная проза, должно быть предано забвению.

Итак, 1902 г. стал точкой отсчета в истории рецепции Гоголя в «Богословском вестнике». В двух юбилейных статьях выражены два противоположных взгляда на гений Гоголя, что соответствует общей тенденции восприятия его личности и творчества в этот период: писателя либо продолжали обвинять, называя «апостолом невежества», реакционером и клеветником, либо защищали, видя в нем художника-аскета и серьезного мыслителя.

В журнале нет информации о том, проводился ли в академии вечер памяти, посвященный Гоголю. Следует полагать, что торжественное мероприятие, скорее всего, проводилось, поскольку в январе 1902 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» среди правительственных распоряжений был опубликован циркуляр «О чествовании памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», в котором были даны следующие установки: «По отслужении всенощной накануне дня кончины упомянутых писателей, или Божественной заупокойной литургии в самый день кончины, или, наконец, панихиды... должны быть в помещениях учебных заведений устроены торжественные акты или собрания учащихся и учащихся, с разъяснением последним значения почившего писателя в отечественной литературе и истории и с раздачей, где позволят средства, разрешенных министерством биографий или сочинений чествуемого писателя, а равно и его портрета» [22, с. 20].

Доподлинно известно, что литературный вечер, приуроченный к столетию со дня рождения Гоголя, состоялся в академии в апреле 1909 г. Он имел довольно обширную программу: доклады преподавателей и студентов академии, чтение студенческих стихов, посвященных Гоголю, художественное чтение отрывков из произведений писателя. Кроме того, на вечере было озвучено «Приветствие Обществу Любителей Российской Словесности от студентов Московской Духовной Академии по случаю открытия памятника Гоголю». Завершился вечер словом ректора – арх. Фёдора (Поздеевского) и «вдохновенным пением» «вечной памяти» писателю. Сообщения, прозвучавшие на вечере памяти и носящие исключительно хвалебный характер, опу-

бликованы в журнале и могут послужить материалом для отдельной статьи.

Период между двумя гоголевскими юбилеями, а также период после 1909 г. и до закрытия «Богословского вестника» ознаменован построением довольно разнопланового дискурса о писателе. Несмотря на то что за это время в журнале не было опубликовано ни одной посвященной исключительно Гоголю статьи, рассуждения о нем и его произведениях содержатся во многих, казалось бы, далеких от литературы публикациях. В качестве примера можно привести «богословско-апологетическое исследование» прот. Павла Светлова «Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания», которое печаталось в академическом журнале частями с 1902 по 1904 г., а в 1905 г. вышло отдельным изданием. Пятая глава этой фундаментальной работы посвящена вопросу об интерпретации идеи Царства Божия в русской литературе, в частности, в сочинениях Гоголя, Достоевского, Л. Толстого. «Призыв к личному усовершенствованию или исканию царства Божия и правды Его, – пишет Светлов, – как условию общественного блага и прогресса начинается Гоголем, продолжается Достоевским и завершения достигает в Толстом» [23, с. 464].

Оценивая религиозные взгляды Гоголя, автор статьи пытается избежать крайности, в которую впадала, с его точки зрения, журнальная критика в юбилейный 1902 г., когда в одних статьях писателя возводили «на степень... образцового, идеального христианина» [23, с. 466, 469], а в других – ставили под сомнение саму способность Гоголя выражать в своих сочинениях голос православия в силу недостаточного религиозного образования писателя. Ориентиром для себя Светлов называет исключительную по своему трезвому тону статью профессора Н. И. Петрова «Новые материалы для изучения религиозно-нравственных воззрений Н. В. Гоголя», опубликованную в «Трудах Киевской духовной академии» (1902).

Однако, несмотря на стремление автора к объективности, его интерпретация Гоголя все же несвободна от тенденциозности. Сквозная идея исследования Светлова состоит в обосновании необходимости участия церкви в общественной и государственной жизни. Вопрос о роли церкви в социально-политических преобразованиях государства – давний и не имеющий однозначного решения. Известный спор XV–XVI вв. о «церковных имуществах» предопределил в русском религиозном сознании два направления, одно из которых связано с именем Иосифа Волоцкого, защищавшего «церковные имущества во имя социальных задач церкви» [24, с. 49], а другое – с именем Нила Сорского, представителя исихастской традиции,

видевшего задачу церкви в отношении государства в «молитвенной заботе о государстве» [24, с. 50]. В эпоху рубежа веков этот вопрос прозвучал с новой силой. В контексте повсеместного увлечения разного рода социалистическими теориями, обещающими построить царство Божие на земле, работа Светлова стала ответом на вопрошание эпохи о роли церкви в социальных преобразованиях государства. Профессор Киевской академии выступает против ограничения функций церкви только нравственной сферой, полагая, что она призвана к активному участию «в строении общественной жизни по заветам Христовым» [23, с. 473]. Только в этом случае, считает Светлов, появится возможность «примирить образованное общество с Церковью и богословием» [25, с. 50]. Свою позицию исследователь подкрепляет ссылками на работы западных и отечественных богословов (Дж. Орра, М. Олесницкого), которые также подчеркивают необходимость интеграции церкви и цивилизации посредством идеи царства Божия.

В связи с этим восприятие Гоголя сквозь призму выдвинутой Светловым концепции «активного» во внешней, общественной жизни христианства изначально ставит писателя, сосредоточенного на идее «внутреннего человека», в слабую позицию и вынуждает исследователя критиковать те стороны его религиозного мировоззрения, которые не соответствуют этой концепции. Поэтому образ Гоголя предстает в работе Светлова одновременно как положительный и отрицательный, поскольку писатель, как считает исследователь, призывая к активному воцерковлению русской жизни, в то же время отдавал предпочтение духовной созерцательности и тишине, полагая, что эти качества присущи и православной церкви, которую, он, как подмечает Светлов, сравнивает в «Выбранных местах...» с евангельской Марией в противоположность многопопечительной Марфе – западной церкви.

Светлов без тени сомнений называет писателя «хорошим и ревностным христианином» и полагает, что в размышлениях «о Боге, о душе... о добродетелях и грехах» он «был в своей родной стихии и внес много ценного в сокровищницу религиозно-назидательной духовной литературы» [23, с. 471]. Несомненную заслугу Гоголя Светлов видит также в том, что он впервые с литературной трибуны провозгласил идею «о необходимости согласования всего строя нашей жизни с требованием Евангелия», призвал «общество к обновлению началами христианства, хранимого в православной церкви» [23, с. 479].

В то же время профессор Киевской академии утверждает, что гоголевское «христианство носило окраску одностороннего аскетического типа» [23, с. 466]. Такой тип религиозности имеет пассивный

характер, сосредоточиваясь на внутренней духовной жизни и личной морали. Аскетическая религиозность, считает исследователь, определяет почти все общественные и эстетические построения Гоголя. Единственным исключением Светлов называет лишь суждения писателя о театре, которые он полностью разделяет и развивает их как в рамках данного исследования [2, с. 285–288], так и в своей отдельной статье о театре [26]. «Односторонне-аскетическая религиозность» оценивается Светловым отрицательно, так как, с его точки зрения, «не отвечает евангельскому учению», а также «служит средостением между богословием и современным образованным обществом» [25, с. 50].

Наиболее уязвимой Светлов считает социальную концепцию Гоголя, в основе которой лежит идея о личном совершенствовании как условии общественного блага. Принцип личного совершенствования, по мнению Светлова, не только недостаточен для возрождения общества, но и ведет к ограничению сферы влияния церкви. Именно поэтому у Гоголя «общественное значение» церкви, как полагает Светлов, «признается... исключительно лишь как за нравственно-воспитательным учреждением» [23, с. 473]. В сосредоточенности на идее спасения души как «последней единой цели жизни» Светлов видит негативный момент, связанный с тем, что христианство в этом случае «перестает быть «мировой культурной силой и очагом царства Божия на земле» [25, с. 50].

Пытаясь вывести «точную формулу» социальной концепции Гоголя, профессор богословия полагает, что она заключается в следующих словах писателя: «Позаботься прежде о себе, а потом о других; стань прежде сам почище душою, а потом уже другим старайся приносить пользу» [23, с. 473]. Заметим, что сознательно или нет, но Светлов не соотносит выведенную им гоголевскую формулу с удивительно созвучными ей словами преп. Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и тогда тысячи вокруг тебя спасутся» (в другом варианте: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи»), которые в 1903 г., когда была опубликована статья профессора и когда состоялось прославление старца, конечно, были у всех на слуху. Введение Светловым этой параллели могло бы подчеркнуть близость Гоголя православному аскетическому учению, но в то же время несколько подмыло бы основы его собственной идеи об активном участии церкви в социальной жизни государства.

Противоречивость социальной концепции Гоголя видится автору статьи также в том, что писатель, с одной стороны, желал «царства Божия на земле», т. е. желал общества, «всецело основанного на началах христианства и устроенного по указаниям... церкви» [23, с. 472], желал «ближе ве-

сти закон Христов как в семейственный, так и в государственный быт» [27, с. 198] и сокрушался от того, что «Церковь, созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в жизнь» [27, с. 36]. Но, с другой стороны, Гоголь, по мнению Светлова, отстранял церковь от «активного участия в строении общественной жизни», оставляя в сфере ее влияния «лишь внутренний духовный мир отдельных лиц» [23, с. 473]. Вопрос «о благодетельном воздействии Церкви» на социальную жизнь Гоголь, по словам Светлова, решает «аскетически односторонне», а значит, «неверно»: «церковь делает все, „не изменив ничего в государстве“, без всякой ломки общественного строя... Все сделано будет нравственным обновлением и перевоспитанием граждан под руководством церкви» [23, с. 473]. Светлов категорически не согласен с Гоголем в том, что влияние церкви должно выражаться только «подачей совета и благословения в случае какого-нибудь нововведения в России». Церкви, считает Светлов, принадлежит первое место в решении социально-экономических вопросов [23, с. 496], но именно такого понимания роли церкви исследователь не находит у Гоголя. Кроме того, Светлов отмечает, что «строение жизни в смысле внешних улучшений ее вообще отрицалось Гоголем, видевшим спасение не во внешних реформах, а в перевоспитании отдельных лиц. Это, — заключает исследователь, — было самым слабым местом в общественных взглядах Гоголя» [23, с. 473], «справедливо» вызвавшем жесткую критику в обществе.

Оценивая социально-политические идеалы Гоголя с позиции новой эпохи, Светлов не может не упрекнуть писателя в том, что он оправдывал именем православной религии существующий общественный строй дореформенной России, который нуждался, с его точки зрения, в коренных преобразованиях [18, с. 473]. В то же время Светлов пытается реабилитировать Гоголя, подчеркивая, что, выступив апологетом русской жизни, он имел в виду не столько реальную социальную действительность, сколько идеальный образ России. Не случайно, считает Светлов, основным мотивом его творчества, является грусть, которая возникает при сравнении «жалкой действительности с идеалом». При этом грусть у Гоголя не имеет тотального характера и не мешает ему «верить в обновление... жизни силою света Христова, сначала в русской земле, а отсюда — во всем мире», о чем свидетельствует, по мнению исследователя, последняя глава его «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «Светлое воскресение» [23, с. 475].

«Выбранные места...» Светлов рассматривает также в контексте гоголевского мессианизма. Историческую миссию русского народа Гоголь, с точки зрения автора статьи, видит в осуществлении

«правды Христовой в своей собственной жизни» и откровении «этой правды на спасение всему миру» [23, с. 476]. Светлов подчеркивает, что свои мысли о будущем России Гоголь называет «плодом *внушения Божия*», что, однако, не мешает ему указать в «Переписке» на рациональные основы своего «патриотического мистицизма», к которым, с точки зрения исследователя, писатель относит «незаконченность нашей жизни, несложившейся в определенную и устойчивую форму... отсутствие непримиримой ненависти сословий, препятствующей на западе братскому соединению людей; способность... к безоглядному самоосуждению или раскаянию», «наша природная восприимчивость к религии христианской», а также «хранение Христовой истины в чистоте и неповрежденности в восточной православной церкви» [23, с. 476].

В гоголевском мессианизме Светлов обнаруживает близость к славянофильству, а также указывает на его связь с историософией Достоевского: у Гоголя можно найти «в зародыше ту аргументацию мессианизма, с какою встречаемся в славянофильстве и в частности у Достоевского» [23, с. 477]. В работе Светлова довольно обстоятельно рассматривается вопрос о гоголевской традиции у Достоевского. При этом, отмечая, что «у Достоевского много точек соприкосновения с Гоголем», профессор Киевской академии акцентирует внимание не столько на эстетическом аспекте этой общности, который до него уже был отмечен Белинским и Некрасовым, сколько на близости некоторых сторон мировоззрения писателей. Светлов видит эту близость в том, что оба они «не умеются в рамках славянофильства и западничества и выше их крайностей; оба они сходятся во взглядах на Петровскую реформу... в оценке значения поэзии Пушкина», в суждениях о «великом общественном значении иночества в будущем России» и о православной церкви как хранительнице Христовой истины [23, с. 478–479].

Достоевский, по мнению Светлова, последовательно развивает многие нравственно-философские идеи Гоголя, в том числе о «духовном перерождении общества в недрах православной церкви» [23, с. 479], о личном совершенствовании как «единственном средстве для улучшения общества» [23, с. 481]. Однако в понимании общественного значения религии Достоевский, с точки зрения Светлова, делает большой шаг вперед по сравнению с Гоголем, поскольку связывает сферу действия церкви не только с духовным миром человека, но и с «внешней общественной средой» [23, с. 481]. Поэтому идеальное общество, считает Светлов, мыслится Достоевским как «общество, основанное на христианской нравственности», как некое «подобие земного рая» и «хорошо обрисовы-

вается словами Алеши Карамазова: „будет правда на земле и будут все святые, и будут любить друг друга, и не будет богатых и бедных, возвышающихся и униженных; и будут все, как дети Божии, и наступит Царство Христово“» [23, с. 479].

В то же время Светлов полагает, что в осмыслении отношений между человеком и средой Достоевский, как и Гоголь, отдает предпочтение принципу «личной морали», аргументируя тем, что «общество складывается из отдельных единиц, а потому может быть улучшено лишь улучшением отдельных единиц» [23, с. 496]. Желая подчеркнуть близость двух писателей, исследователь приводит фрагмент из полемики Достоевского с А. Д. Градовским, в которой Федор Михайлович не только выражает созвучное гоголевскому убеждение в прямой зависимости общественного благополучия от духовного устройства человека, но также иллюстрирует свои идеи примерами из «Мертвых душ» [23, с. 494].

В исследовании профессора Киевской академии Гоголь и Достоевский оказываются на одном полюсе как представители «пассивного христианства», сосредоточенного на принципе внутреннего преображения личности и ограничивающего участие церкви в общественной жизни лишь нравственной функцией. Обозначенная Светловым триада Гоголь – Достоевский – Толстой позволяет ему подчеркнуть близость Гоголя и Достоевского в понимании идеи Царства Божия и противопоставить им обоим Толстого.

Таким образом, сочинение прот. Павла Светлова, посвященное «богословско-апологетической» проблеме, является вместе с тем одним из наиболее подробных исследований религиозного мировоззрения Гоголя из числа представленных на страницах «Богословского вестника». Не будучи специалистом в области литературы, профессор Светлов тем не менее оказался весьма незаурядным интерпретатором Гоголя. Ценным для Светлова представляется позднее творчество писателя, на материале которого он попытался раскрыть особенности гоголевского «мистического патриотизма» и его отношения к православной церкви. Однако, критикуя «односторонность» Гоголя, Светлов сам оказался излишне тенденциозным, что не позволило ему всесторонне осмыслить религиозное мышление писателя. Определив религиозность Гоголя как аскетическую, Светлов трактует данную категорию скорее в прогрессивном ключе как явление, которое разделяет церковь и общество (интеллигенцию), а вовсе не в контексте традиции русского исихазма. Поэтому положительно оценивая стремление Гоголя связать русскую культуру с церковью, Светлов в то же время полагает, что именно в силу своей односторонне-аскетической религиоз-

ности писатель не смог стать «хорошим христианским публицистом, толкователем христианства перед обществом», не смог «правильно осветить общественные и церковные вопросы с христианской точки зрения» [23, с. 471].

Отдельный сюжет в истории рецепции Гоголя в «Богословском вестнике» связан с публикациями об архимандрите Феодоре (Бухарева), который в статьях протоиерея Валериана Лаврского назван «коротким приятелем Гоголя» [28, с. 107]. В течение 1905–1906 гг. было напечатано пять заметок Лаврского под общим заглавием «Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухарева)», в которых содержатся неоднократные упоминания о Гоголе. В статье священника Александра Белорукова «Внутренний перелом в жизни А. М. Бухарева (архим. Феодора)», опубликованной в 1915 г., также рассказывается о дружбе отца Феодора с Гоголем [29, с. 788].

После юбилея 1909 г. имя писателя все реже появляется на страницах журнала. В это время критический дискурс о Гоголе представляет собой лишь краткие упоминания о нем в текстах разных жанров: письмах, статьях, эссе, некрологе. Так, в письмах К. Леонтьева к своему другу и ученику А. Александрову, опубликованных в «Богословском вестнике» в 1914 г., содержатся заметки философа о художественной литературе, в которых также упоминается Гоголь, причем всегда в резко негативном ключе. Леонтьев убежден, что современная русская литература должна преодолеть традиции гоголевской школы, должна избавиться от гоголевщины хотя бы в языке и форме [30, с. 771–772].

В эссе С. Дурылина «Начальник тишины», написанном в тяжелые для России годы Первой мировой войны, имя Гоголя возникает в контексте рассуждений об Оптиной пустыни. Автор сообщает о посещении писателем монастыря, приводит выдержки из его писем к оптинским старцам, в частности цитирует его слова из письма 1850 г. к иеромонаху Филарету, в котором он признается, что чувствует потребность «ежеминутно и на всяком месте своего странствия быть в Оптиной пустыни» [31, с. 433]. Публикация Дурылина завершает историю дореволюционной рецепции Гоголя в «Богословском вестнике».

Заключение

Таким образом, в журнале Московской духовной академии история критической рецепции Гоголя охватывает около 17 лет. Наиболее активная фаза восприятия личности и творчества Гоголя приходится на период его юбилеев 1902 и 1909 гг., когда были опубликованы подготовленные преподавателями и профессорами академии литературно-критические исследования о писателе, а также

материалы литературного вечера, приуроченного к столетию со дня его рождения. За рамками гоголевских юбилеев критический дискурс о писателе включает статьи по научно-богословской проблематике, но содержащие размышления о религиозном мировоззрении писателя и его художественном творчестве, а также материалы (письма, воспоминания и др.), в которых встречаются лишь краткие упоминания о писателе. Механизмы критической рецепции Гоголя определяются стремлением осмыслить «загадочную личность» писателя, его «сложный внутренний мир», а также оценить

его вклад в становление русской религиозной культуры. Образ Гоголя, смоделированный в публикациях «Богословского вестника» 1902–1916 гг., отражает возникшую еще при жизни писателя и развитую в критике рубежа веков противоречивость в оценке его личности и творчества. Исключительно позитивное восприятие Гоголя как выдающегося классика русской литературы содержится в сообщениях преподавателей и студентов, прозвучавших на праздничном мероприятии, состоявшемся в стенах духовной школы в честь столетнего юбилея писателя.

Список источников

1. Мандзюк-Ильницкий В. Н. «Труды Киевской духовной академии» – православный богословский журнал (1860–1917 гг.): историко-типологический анализ: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 209 с.
2. Светлов П. Я., прот. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания (богословско-апологетическое исследование): [Понятие о Царстве Божиим] // Богословский вестник. 1902. Т. 3, № 11. С. 257–290.
3. Тареев М. М. Типы религиозно-нравственной жизни: пробная лекция // Богословский вестник. 1902. Т. 3, № 9. С. 42–81.
4. Кузнецов Н. Д. Русская художественная литература в ее отношении к вопросам религии // Богословский вестник. 1910. Т. 3, № 10. С. 333–352.
5. Берков П. Н. Из материалов пушкинского юбилея 1899 года // Пушкин: временник пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. [Вып. 3]. С. 401–414.
6. Татарский И. А. Александр Сергеевич Пушкин как русский национальный поэт // Богословский вестник. 1899. Т. 2, № 6. С. 239–249.
7. Воскресенский Г. А. Величие Пушкина как поэта и человека: речь в торжественном собрании в честь А.С. Пушкина, 26 мая // Богословский вестник. 1899. Т. 2, № 6. С. 212–238.
8. Невская Д. Р. Три фазиса признания и увенчания. К истории первых юбилеев Гоголя // Новый филологический вестник. 2013. № 1 (24). С. 106–139.
9. Пыпин А. Н. История русской литературы: в 4 т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1898–1899. Т. 4. 1899. 654 с.
10. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. М.: Типография А. И. Мамонтова и К., 1892–1897.
11. Шенрок В. И. Гоголь как художник. Киев: Типография Ун-та св. Владимира АО Н. Т. Корчак-Новицкого, 1902.
12. Воскресенский Г. А. По поводу пятидесятилетия со дня кончины Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского (21 февраля и 12 апреля 1852 г.) // Богословский вестник. 1902. Т. 1, № 3. С. 596–620.
13. Полевой П. Н. Гоголь. Опыт характеристики // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1902. Т. 87. С. 583–589.
14. Нова Н. М. Великий юморист и подвижник (по случаю 50-летия со дня кончины Н. В. Гоголя) // Вестник всемирной истории. 1902. Т. 2. С. 20–38.
15. Минин П. М. К характеристике личности Гоголя // Богословский вестник. 1902. № 3. С. 621–637.
16. Минин П. М. К характеристике литературной деятельности Жуковского // Богословский вестник. 1902. № 4. С. 766–787.
17. Минин П. М. Мистицизм и его природа // Богословский вестник. 1911. Т. 1, № 4. С. 795–817; Т. 2, № 5. С. 85–112.
18. Минин П. М. Главные направления древнецерковной мистики // Богословский вестник. 1911. Т. 3, № 12. С. 823–838.
19. Баженов Н. Н. Болезнь и смерть Гоголя // Русская мысль. 1902. № 1. С. 132–149.
20. Баженов Н. Н. Болезнь и смерть Гоголя // Русская мысль. 1902. № 2. С. 52–71.
21. Минин П. М. К характеристике личности Гоголя // Богословский вестник. 1902. Т. 1, № 3. С. 621–637.
22. Циркуляры Министерства народного просвещения. 1902. Т. 340. С. 18–72.
23. Светлов П. Я., прот. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания: богословско-апологетическое исследование: [Понятие о Царстве Божиим] // Богословский вестник. 1903. Т. 1, № 3. С. 463–498.
24. Зеньковский В. В. История русской философии. Ленинград: Эго, 1991. Т. 1, ч. 1. 221 с.
25. Светлов П. Я., прот. Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания: богословско-апологетическое исследование: [Понятие о Царстве Божиим] // Богословский вестник. 1902. Т. 2, № 5. С. 40–73.
26. Светлов П. Я., прот. О посещении театра духовенством: к вопросу о взаимных отношениях христианства и культуры // Богословский вестник, 1906. Т. 1, № 3. С. 570–576.
27. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями. Духовная проза. Критика. Публицистика / сост., подготовка текстов и комментариев И. А. Виноградов, В. А. Воропаев. М.: Изд-во Московской патриархии, 2009. 742 с.

28. Лаврский В., прот. Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухарева) // Богословский вестник. 1906. Т. 2, № 5. С. 98–128.
29. Белоруков А. М., свящ. Внутренний перелом в жизни А. М. Бухарева (архим. Феодора) // Богословский вестник. 1915. Т. 3, № 10/11/12. С. 785–867.
30. Леонтьев К. Н. Письма к Анатолию Александрову: [III–XIII: 9 ноября, 8 и 21 декабря 1887 г., 15 января, 1 и 5 февраля, 20 и 30 марта, 14, 19 и 26 апреля 1888 г.] / сообщил А. А. Александров // Богословский вестник. 1914. Т. 1, № 4. С. 771–792.
31. Дурьлин С. Начальник тишины // Богословский вестник. 1916. Т. 2, № 7/8. С. 417–445.

References

1. Mandzyuk-Ilinskiy V. N. "Trudy Kiyevskoy dukhovnoy akademii" – pravoslavnyy bogoslovskiy zhurnal (1860–1917 gg.): istoriko-tipologicheskyy analiz. Dis. kand. filol. nauk ["Proceedings of the Kyiv Theological Academy" – Orthodox theological journal (1860–1917): historical and typological analysis. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2015. 209 p. (in Russian).
2. Svetlov P. Ya., prot. Ideya Tsarstva Bozhiya i yeye znachenie dlya khristianskogo mirosozertsaniya: bogoslovsko-apologeticheskoye issledovaniye [Ponyatie o Tsarstve Bozhiem]. [The idea of the Kingdom of God in its meaning for the Christian worldview: Theological and apologetic study. [The concept of the kingdom of God]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 3, no. 11, pp. 257–290 (in Russian).
3. Tareyev M. M. Tipy religiozno-nravstvennoy zhizni: probnaya lektsiya [Types of religious and moral life: Trial lecture]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 3, no. 9, pp. 42–81 (in Russian).
4. Kuznetsov N. D. Russkaya khudozhestvennaya literatura v yeye otnoshenii k voprosam religii [Russian Fiction in its Relation to Religious Issues]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1910, vol. 3, no. 10, pp. 333–352 (in Russian).
5. Berkov P. N. Iz materialov pushkinskogo yubileya 1899 goda [From the materials of the Pushkin anniversary of 1899]. *Pushkin: Vremennik pushkinskoy komissii* [Pushkin: temporary of the Pushkin commission]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1937 [Vol. 3]. Pp. 401–414 (in Russian).
6. Tatarskiy I. A. Aleksandr Sergeyevich Pushkin kak natsional'nyy poet [Alexander Sergeevich Pushkin as Russian National Poet]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1899, vol. 2, no. 6, pp. 239–249 (in Russian).
7. Voskresenskiy G. A. Velichie Pushkina kak poeta i cheloveka: rech' v torzhestvennom sobranii v chest' A. S. Pushkina, 26 maya. [The greatness of Pushkin as a poet and a person: Speech at a solemn meeting in honor of A. S. Pushkin, 26 may]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1899, vol. 2, no. 6, pp. 212–238 (in Russian).
8. Nevskaya D. R. Tri fazisa priznaniya i uvenchaniya. K istorii pervykh yubileyev Gogolya [Three phases of recognition and crowning. To the history of the first anniversaries of Gogol]. *Novyy filologicheskyy vestnik – The New Philological Bulletin*, 2013, no. 1 (24), pp. 106–139 (in Russian).
9. Pypin A. N. *Istoriya russkoy literatury: v 4 t.* [History of Russian Literature: in 4 volumes]. Saint Petersburg, Tipografiya Stasulevicha Publ., 1898–1899, vol. 4. 1899. 654 p. (in Russian).
10. Shenrok V. I. *Materialy dlya biografii Gogolya: v 4 t.* [Materials for the biography of Gogol: in 4 volumes]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i K. Publ., 1892–1897 (in Russian).
11. Shenrok V. I. *Gogol kak khudozhnik* [Gogol as an artist]. Kiev, Tipografiya Universiteta sv. Vladimira AO N. T. Korchak-Novitskogo Publ., 1902. P. 14 (in Russian).
12. Voskresenskiy G. A. Po povodu pyatidesyatiletia so dnya konchiny N. V. Gogolya i V. A. Zhukovskogo (21 fevralya i 12 aprelya 1852 g.) [On the fiftieth anniversary of the death of N. V. Gogol and V. A. Zhukovsky (February 21 and April 12, 1852)]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 1, no. 3, pp. 596–620 (in Russian).
13. Polevoy P. N. Gogol. Opyt harakteristiki [Gogol. Experience Characteristics]. *Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturnyy zhurnal*, 1902, vol. 87, pp. 583–589 (in Russian).
14. Nova N. M. Velikiy yumorist i podvizhnik (po sluchayu pyatidesyatiletia so dnya konchiny N. V. Gogolya) [Great humorist and ascetic (on the occasion of the 50th anniversary of the death of N. V. Gogol)]. *Vestnik vseмирnoy istorii*, 1902, vol. 2, pp. 20–38 (in Russian).
15. Minin P. M. K kharakteristike lichnosti Gogolya [To the characterization of Gogol's personality]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 1, no. 3, pp. 621–637 (in Russian).
16. Minin P. M. K kharakteristike literaturnoy deyatel'nosti Zhukovskogo [To the characterization of Zhukovsky's literary activity]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 4. pp. 766–787 (in Russian).
17. Minin P. M. Mistitsizm i yego priroda [Mysticism and its nature]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1911, vol. 1, no. 4, pp. 795–817; vol. 2, no. 5, pp. 85–112 (in Russian).
18. Minin P. M. Glavnyye napravleniya drevnetserkovnoy mistiki [The main directions of ancient church mysticism]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1911, vol. 3, no. 12, pp. 823–838 (in Russian).
19. Bazhenov N. N. Bolezn' i smert' Gogolya [Illness and death of Gogol]. *Russkaya mysl'*, 1902, no. 1, pp. 132–149 (in Russian).
20. Bazhenov N. N. Bolezn' i smert' Gogolya [Illness and death of Gogol]. *Russkaya mysl'*, 1902, no. 2, pp. 52–71 (in Russian).

21. Minin P. M. K kharakteristike lichnosti Gogolya [To the characterization of Gogol's personality]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 1, no. 3, pp. 621–637 (in Russian).
22. *Tsirkulyary Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Circulars of the Ministry of Public Education]. 1902. Vol. 340. Pp. 18–72 (in Russian).
23. Svetlov P. Ya., prot. Ideya Tsarstva Bozhiya i ee znachenie dlya khristianskogo mirosozertsaniya: bogoslovsko-apologeticheskoye issledovaniye [Ponyatie o Tsarstve Bozhiem]. [The idea of the Kingdom of God in its meaning for the Christian worldview: Theological and apologetic study. [The concept of the kingdom of God]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1903, vol. 1, no. 3, pp. 463–498 (in Russian).
24. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Leningrad, Ego Publ., 1991. Vol. 1. Part 1. 221 p. (in Russian).
25. Svetlov P. Ya., prot. Ideya Tsarstva Bozhiya v yeyo znachenii dlya khristianskogo mirosozertsaniya: bogoslovsko-apologeticheskoye issledovaniye [Ponyatie o Tsarstve Bozhiem] [The idea of the Kingdom of God in its meaning for the Christian worldview: Theological and apologetic study [The concept of the kingdom of God]]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 2, no. 5, pp. 40–73 (in Russian).
26. Svetlov P. Ya., prot. O poseshchenii teatra dukhovenstvom: k voprosu o vzaimnykh otnosheniyakh khristianstva i kul'tury [About visiting the theater by the clergy: on the question of the mutual relations of Christianity and culture]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1906, vol. 1, no. 3, pp. 570–576 (in Russian).
27. Gogol N. V. Vybrannyye mesta iz perepiski s druž'yami [Selected places from correspondence with friends]. In: Gogol N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 17 tomakh. T. 6. Vybrannyye mesta iz perepiski s druž'yami. Dukhovnaya proza. Kritika. Publitsistika* [Complete Works and Letters: in 17 volumes. Vol. 6. Selected places from correspondence with friends. Spiritual prose. Criticism. Publicism]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 742 p. (in Russian).
28. Lavrskiy V., prot. Moi vospominaniya ob arhimandrite Feodore (A. M. Bukhareve) [My memories of Archimandrite Theodore (A. M. Bukhareve)]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1902, vol. 2, no. 5, pp. 98–128 (in Russian).
29. Belorukov A. M., svyashch. Vnutrenniy perelom v zhizni A. M. Bukhareva (arhim. Feodora) [An internal turning point in the life of A. M. Bukharev (Archim. Theodor)]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1915, vol. 3, no. 10/11/12, pp. 785–867 (in Russian).
30. Leont'ev K. N. Pis'ma k Anatoliyu Aleksandrovu: [III–XIII: 9 noyabrya, 8 i 21 dekabrya 1887 g., 15 yanvary, 1 i 5 fevralya, 20 i 30 marta, 14, 19 i 26 aprelya 1888 g.]. Soobshchil A. A. Aleksandrov [Letters to Anatoly Alexandrov: [III–XIII: November 9, December 8 and 21, 1887, January 15, February 1 and 5, March 20 and 30, April 14, 19 and 26, 1888]. Reported by A. A. Alexandrov]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1914, vol. 1, no. 4, pp. 771–792 (in Russian).
31. Durylin S. Nachal'nik tishiny [Head of Silence]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1916, vol. 2, no. 7/8, pp. 417–445 (in Russian).

Информация об авторе

Бурмистрова С. В., кандидат филологических наук, доцент, Московская духовная академия (Троице-Сергиева лавра, Сергиев Посад, Московская область, Россия, 141300).

Information about the author

Burmistrova S. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow Theological Academy (Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, Russian Federation, 141300).

Статья поступила в редакцию 10.05.2022; принята к публикации 01.10.2022

The article was submitted 10.05.2022; accepted for publication 01.10.2022